

Хомбак Евгений

ПОБЕГ ОТ СЕБЯ

БЮРО АМАТОРСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Некоторые тайны нельзя раскрыть в одиночку

Хомбак Евгений

Побег от себя

<https://litres.ru/74386188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глеб Лавров - успешный архитектор, любящий жених, человек, у которого, казалось бы, есть всё. Но за три месяца до свадьбы его невеста Лера обращается в «Бюро аматорских расследований»: Глеб регулярно исчезает по ночам, отключает телефон и возвращается лишь под утро - с цветами, извинениями и обещаниями, которые не сдерживает.

Марк Ветров и его партнёрша Алиса привыкли работать с психологическими загадками, но это дело оказывается особенным. Внешне безупречный Глеб похож на красивый дом, в котором давно никто не живёт. Каждое исчезновение совпадает с одним днём - днём, который он стёр из памяти тридцать лет назад.

Расследование превращается в путешествие вглубь чужой и собственной боли. Марк и Алиса ищут ответ не только для клиентов, но и для себя: что заставляет человека бежать от самого близкого и как научиться оставаться, когда внутри — только пустота и страх.

«Побег от себя» — это детектив о памяти, вине и той тонкой грани, где заканчивается анализ и начинается живая жизнь.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	17
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Побег от себя

ПРОЛОГ

Мальчик на берегу

Июль 1996 года. Ленинградская область. Карьер за посёлком Рябово.

Жара стояла четвёртый день — та самая, какой в этих краях не бывает десятилетиями: сухая, звенящая, с выжженными полями и белёсым небом, в котором даже облака казались усталыми. Воздух дрожал над дорогой, пахло нагретой хвоей и пресной водой из карьера, которая к середине лета прогревалась только сверху, а на глубине оставалась ледяной — это знали все местные мальчишки, но всё равно лезли, потому что искупаться в такую погоду было единственным смыслом существования. Карьер был старый, довоенный, затопленный ещё в семидесятых; его чёрная гладь напоминала огромный глаз, устремлённый в небо, и вода в нём стояла тёмная, как крепкий чай, с маслянистым блеском на поверхности. Глебу было двенадцать, и он знал этот карьер как свои пять пальцев — каждый камень на берегу, каждое дерево, склонённое к воде, каждый опасный провал на дне, где

били холодные ключи. Знал, но никогда не любил. Слишком глубоко. Слишком темно. Слишком легко утонуть.

Серёже тоже было двенадцать. Они дружили с первого класса, с того сентябрьского утра, когда Серёжа — новенький, переехавший из Мурманска, с огромными серыми глазами и вихрами, торчащими во все стороны, — подошёл к Глебу на перемене, сунул руки в карманы и спросил:

— У тебя линейка есть? А то моя сломалась.

Глеб тогда молчал две секунды, разглядывая Серёжин сияк под глазом (успел подраться с местными) и его спортивные штаны, которые были ему великоваты, а потом просто протянул свою линейку — старую, потёртую, с отколотым уголком. Серёжа взял, хмыкнул и сказал: «Я отдам», — и отдал через пять минут, на той же перемене, но уже с улыбкой. И с тех пор они не расставались.

Восемь лет. Три тысячи дней. Бесконечная вереница общих завтраков в школьной столовой, когда они делили одну котлету на двоих, потому что у Глеба денег не хватало, а Серёжа всегда брал лишнюю; прогулок до перекрёстка, где их дороги расходились, но они всё равно стояли и болтали ещё полчаса, пока не темнело; ночёвок с фонариками под одеялом, когда Глеб ночевал у Серёжи, и они читали комиксы

до двух ночи, а утром мать Серёжи ругалась, что они проспали; драк на школьном дворе, когда Серёжа лез в драку, а Глеб стоял рядом и смотрел, чтобы никто не подло ударил; примирений через полчаса, когда Серёжа подходил и говорил: «Ну ты чего, я же не со зла»; секретов, которые Серёжа рассказывал только Глебу, потому что больше никому; планов на лето, которые они строили в тетрадках, — поехать в Крым, когда вырастут, накопить денег и уехать навсегда. Вместе они были как единое целое: Серёжа — искра, порыв, действие; Глеб — тишина, размышление, удержание. Серёжа шагал вперёд, Глеб смотрел, куда ступить, чтобы не оступиться. Серёжа решал, Глеб просчитывал. Серёжа действовал, Глеб потом объяснял, почему это сработало. Они и не формулировали это — им было по двенадцать, они просто жили так, будто иначе и быть не могло.

В тот день, семнадцатого июля, они пришли на карьер после обеда. Набрали в рюкзак бутерброды с колбасой, которые Серёжа стащил из холодильника, термос с холодным чаем и два выцветших полотенца, выстиранных до дыр. Серёжа, как всегда, нёс всё на себе — он был старшим в их паре, тем, кто тащит, кто ведёт, кто первым прыгает в воду. Глеб нёс только себя, свои мысли и свою привычку смотреть под ноги, чтобы не споткнуться на камнях.

— Глебка, давай быстрее! — крикнул Серёжа, уже скиды-

вая футболку на ходу и оставляя её на кусте шиповника. — Вода тёплая, я вчера проверял, даже на середине!

Глеб шёл медленнее, разглядывая карьер. В этот час солнце стояло высоко, и вода казалась почти чёрной из-за отражения деревьев. На середине, где было особенно глубоко, поверхность блестела маслянисто, без ряби, и казалось, что там не вода, а что-то густое, вязкое, готовое засосать. Глебу не нравилось это место. Он любил мелководе у берега, где песчаное дно просвечивало сквозь зелёную воду, а камни были нагретыми, и по ним приятно ступать босиком. Но Серёжа любил карьер именно за глубину. «Там свобода», — говорил он. Глеб не понимал, какая свобода в том, чтобы не чувствовать дна, но он любил Серёжу больше, чем боялся этой тёмной воды.

Они разделись. Серёжа побежал к воде, подпрыгивая на камнях, и бросился в неё с разбега, подняв тучу брызг, сверкающих на солнце как мелкие бриллианты. Глеб вошёл медленно, привыкая к прохладе, которая поднималась от глубины — сперва к щиколоткам, потом к коленям, потом к поясу, и на талии вода была уже ледяной, словно кто-то открыл подземный ключ. Он остановился там, где дно уходило из-под ног, и вода доходила до груди. Дальше он не хотел.

— Ну чего ты застрял? — Серёжа стоял по грудь, в деся-

ти метрах от него, вода вокруг его плеч казалась тёмно-зелёной, почти болотной. — Иди сюда, тут класс! Дно песчаное, мягко!

— Я тут, — отозвался Глеб. Он чувствовал под ногами песок, плотный и прохладный, и ему было спокойно. — Мне и тут хорошо.

— Трус! — крикнул Серёжа, но в голосе была улыбка. Это слово никогда не было обидным между ними — оно означало: «Я тебя знаю, ты просто осторожный, давай, рискни».

Глеб улыбнулся в ответ и сделал шаг вперёд. Он шагнул на глубину, где дно начинало уходить под уклон, и почувствовал, как вода поднялась к плечам. Дальше не пошёл.

— Я дальше не пойду, — сказал он.

Серёжа фыркнул, развернулся и поплыл. Поплыл прямо — мощными, размашистыми гребками, хорошо поставленными, потому что он занимался в секции плавания, а Глеб нет. Его голова, мокрая, с тёмными слипшимися волосами, быстро удалялась. Глеб стоял и смотрел ему вслед, прищурившись от солнца. Он всегда так делал — стоял на месте, пока Серёжа не достигнет противоположного берега, не отдохнёт и не поплывёт обратно. Это был их ритуал. Серёжа

уходил вперёд, Глеб оставался на якоре, чтобы было к кому возвращаться. Один рисковал, другой держал берег.

Серёжа доплыл до трети ширины карьера. До половины. До двух третей. Глеб видел, как он двигается — ритмично, уверенно, голова поворачивается для вдоха, руки выходят из воды и входят снова. Всё было как всегда. Серёжа уже приближался к тени нависших деревьев на том берегу, где даже в полдень было сумрачно, и вдруг он замер.

Глеб сначала не понял. Ему показалось, что Серёжа остановился, чтобы отдышаться — он иногда так делал, ложился на воду и лежал. Но Серёжа не лёг. Его тело осталось вертикальным. Голова была повёрнута к Глебу — и Глеб увидел лицо. Это было не лицо Серёжи, которого он знал восемь лет. Это было что-то другое: глаза расширенные, белки белые, как мел; рот открыт, но не кричит; руки не двигаются, хотя секунду назад они работали как вёсла. И вдруг Серёжа захлебнулся — Глеб видел, как вода хлынула в рот, как тело дёрнулось, как руки начали беспорядочно бить по поверхности, поднимая брызги, но не в стороны, а вверх, как будто он пытался схватиться за что-то невидимое. Голова ушла под воду, вынырнула, снова ушла, вынырнула в третий раз — и Глеб видел глаза. Серёжа смотрел прямо на него. Как будто говорил: «Помоги. Пожалуйста. Помоги. Я не могу».

Глеб стоял.

По пояс в воде. На расстоянии двадцати метров — может, двадцати пяти. Песок под ногами был тёплым, вода плескалась о грудь, солнце жарило затылок, а в груди что-то оборвалось — не удар, не боль, просто тишина. Полная, звенящая тишина, в которой исчезли все звуки. Он не слышал плеска воды, не слышал криков грачей на том берегу, не слышал своего собственного дыхания. Он слышал только сердце — и оно не билось. Оно остановилось. Или он сам остановился. Время выключилось. Его тело перестало подчиняться. Он хотел броситься вперёд — ноги не двигались. Он хотел закричать — горло перехватило. Он хотел хотя бы закрыть глаза — веки не слушались. Он стоял и смотрел, как Серёжа, его лучший друг, его брат, его вторая половина, уходит под воду в четвёртый раз. И больше не выныривает.

Глеб не знал, сколько он так простоял. Может, минуту. Может, десять. Часы на его руке — дешёвые, с расчёской на ремешке, подарок отца на прошлый день рождения — потом оказались сломанными. Стрелки застыли на 16:24. Как будто время решило остановиться вместе с Серёжей. Глеб смотрел на тёмную воду, на круги, которые медленно расходились от места, где исчез его друг, на тишину, которая наступила после, и ничто не двигалось. Ни вода, ни ветер, ни Глеб.

Потом он медленно, словно сквозь густую патоку, вышел на берег. Сел на камень, обхватив колени руками. Вода стекала с его волос на лицо, с лица на футболку, с футболки на камни. Он не вытирался. Он сидел и смотрел на воду, на её тёмную, неподвижную гладь, и ждал. Он не знал, чего ждал. Может, что Серёжа вынырнет и скажет: «Я пошутил, дурак, иди сюда». Может, что кто-нибудь приедет и скажет: «Так нельзя, Глеб, надо что-то делать». Но никто не приезжал, Серёжа не выныривал, и Глеб продолжал сидеть, как памятник самому себе — мальчик, застывший в глине, который никогда не закончит свои очертания.

Он просидел час, два, три, четыре. Солнце спустилось к горизонту, тени деревьев вытянулись и накрыли карьер, воздух стал прохладнее. Он всё сидел, пока не услышал шум велосипедных колёс по гравию. Это была мать Серёжи — она приехала на старом «Урале» узнать, почему сын не вернулся к ужину. Она увидела Глеба — сидящего, мокрого, с каменным лицом — и побелела.

— Глеб! Где Серёжа?

Глеб поднял на неё глаза. В её взгляде он прочитал всё, что сам не мог почувствовать: панику, страх, надежду, отчаяние. Он смотрел на неё долго, очень долго, как будто пытался вспомнить, что такое говорить, а потом произнёс ров-

но, без интонации, без дрожи, как автомат, запрограммированный на единственный ответ:

— Серёжа утонул.

Она закричала. Таким криком, который Глеб никогда не слышал — он был нечеловеческим, животным, как у раненой птицы. Она кинулась к воде, упала на колени, начала звать Серёжу, захлёбываясь слезами. Глеб сидел и смотрел. Ему казалось, что это происходит с кем-то другим, на экране, в кино. Он не чувствовал ничего. Только пустоту — огромную, холодную, как та вода на глубине.

Милиция нашла тело на следующий день. Водолазы спустились и через час подняли Серёжу со дна, в шестидесяти метрах от берега. Судмедэксперт позже напишет в заключении: судорога, вызванная резким перепадом температур воды — холодный термоклин на глубине. Мальчик был абсолютно здоров, никаких патологий. Просто не повезло.

Глеба допрашивали. Сначала в милиции, потом с психологом. Говорили мягко, потому что он был ребёнок, и все понимали: двенадцатилетний мальчик, по пояс в воде, на расстоянии двадцати метров, — что он мог сделать? Но Глеб отвечал односложно, как заученные уроки: «Да, мы купались. Да, Серёжа заплыл далеко. Да, я стоял на мели. Нет, не могу

объяснить, почему не поплыл. Не знаю. Не помню». И это было правдой — он действительно не помнил. Тот день стёрся, как написанное мелом на доске после перемены. Остался только осадок — странное чувство, что он что-то должен был сделать, но не сделал, и теперь это чувство висело на нём, как намокшая одежда, которую невозможно снять.

На похороны Глеб не пошёл. Мама сказала: «Не надо, ты ещё не отошёл». Отец кивнул. Глеб сидел в своей комнате три дня, смотрел в стену и не плакал. На четвёртый день он вышел к завтраку, съел овсянку, сказал «спасибо» и пошёл в школу. С сентября он учился как обычно, играл с другими ребятами, даже смеялся иногда. Жизнь шла своим чередом, и Глеб шёл вместе с ней — только внутри у него образовалась дыра, которую он не замечал, потому что никогда туда не заглядывал. Он просто жил так, будто Серёжи никогда не существовало. Будто восемь лет дружбы были сном. Будто сам он не стоял в воде и не смотрел, как тонет его брат. Просто забыл. Вытеснил. Вырезал, как хирург удаляет опухоль — чисто, полностью, без остатка. И остался жить дальше.

Он вырос. Стал архитектором. Женился. Первый раз в двадцать пять — развёлся в двадцать восемь. Жена сказала: «Я не могу жить с человеком, которого нет». Второй раз в тридцать два — развёлся в тридцать шесть. Вторая жена сказала те же слова, дословно: «Я не могу жить с человеком,

которого нет». Глеб подумал тогда, что это странное совпадение, и забыл. Он умел забывать.

К сорока годам он был известным архитектором, его проекты печатали в журналах, приглашали на конференции, у него была мастерская на Петроградке, квартира на Васильевском, дача в Репино, две машины, кот и Лера. Лера была другой. Не как первые жёны, которые «подходили» — Лера подходила и не подходила одновременно. Она была слишком яркой, слишком близкой, слишком настоящей. Когда она была рядом, Глеб чувствовал: сейчас что-то произойдёт, что-то страшное, чего он не переживёт. Он начинал дышать чаще, и ему хотелось встать и уйти — не от неё, а от того Глеба, который рядом с ней начинал верить, что можно. Что можно впустить, можно довериться, можно остаться. Этот Глеб был опасен — он мог погибнуть, как Серёжа. Если впустить — потерять. А потерю Глеб не переживёт. Он знал это точно, как знают, что огонь жжёт, а лёд холодит.

Поэтому он убегал. Не от Леры — от себя рядом с ней.

Тридцать лет спустя, в июле 2026-го, он сидел в номере дешёвой гостиницы на Парнасе. Номер был маленький, десять квадратных метров: кровать, стул, тумбочка, окно. На тумбочке ничего. На стенах ничего. Только Глеб на стуле, у окна, за которым простиралась промзона — трубы, крыши,

серое небо. Часы на руке — дорогие, швейцарские, не дешёвка с расчёской — показывали 03:14. Он сидел в этом номере шестой раз за полгода. Всегда тот же номер, тот же стул, то же окно, те же три часа ночи. В кармане пальто лежал выключенный телефон — тридцать два пропущенных от Леры, двенадцать от матери, четыре от брата, один от незнакомого номера. Глеб знал, что они звонят, знал, что волнуются, знал, что утром он вернётся с цветами, с извинениями, с «я не знаю, что на меня нашло». И поклянётся, что это последний раз. И через месяц снова.

Но сейчас он сидел и смотрел на пустую стену, а где-то глубоко, там, где он не спускался тридцать лет, в тёмной холодной воде его детства, мальчик по имени Серёжа всё ещё тонул. И всё ещё смотрел на Глеба — большими серыми глазами, с мольбой, с ужасом.

Помоги. Пожалуйста. Помоги.

Глеб не двигался.

Как и тогда.

Как всегда.

Но на этот раз в тишине номера что-то дрогнуло — может

быть, ветер в трубах, а может, та дыра, которую он тридцать лет не замечал, начала расширяться. Она требовала, чтобы он посмотрел на неё. Чтобы он вспомнил. Чтобы он наконец двинулся.

Но Глеб ещё не знал, что это возможно. Он просто сидел, смотрел в стену и ждал утра. Как ждал тридцать лет.

Глава 1

Невеста, которая не знает

Сентябрь выдался сырым и серым, как будто Петербург решил напомнить всем, кто он есть на самом деле. Нева казалась тяжелой, дворы-колодцы пахли мокрым камнем и кошачьей мятой, а на Рубинштейна, у дверей с потёртой латунной табличкой «Бюро Аматорских Расследований», лужи стояли до вечера, отражая бесконечное низкое небо.

Марк Ветров сидел в своём кабинете один. Алиса опаздывала — на этот раз на двенадцать минут, что превышало её обычный «кофейный» запас. Марк знал, что по средам она заходит в пекарню на углу Рубинштейна и Жуковского, но очередь в двенадцать минут означала либо сбой кассы, либо встречу со знакомой. Он поставил на второе. Его первая Сторге, собиравшая паттерны как пылесос, уже зафиксировала: у Алисы было тридцать четыре знакомых, с которыми она «здоровалась дольше пяти минут». Он знал их имена, профессии и примерные даты дней рождения — не потому что запоминал специально, а потому что его мозг так работал. Всё, что касалось Алисы, автоматически ложилось в отдельную папку.

Он сидел у окна, пил эспрессо — свою обычную эфиопию средней обжарки, семнадцать граммов, двадцать шесть секунд экстракции — и думал. После дела Кравцовых прошло три месяца. Три месяца без крупных кейсов. Были мелочи: супруги с «тиранией по выходным», мать с дочерью, которая перестала звонить, мужчина, не способный уйти из отношений, закончившихся четыре года назад. Марк брал их, Алиса вела приём, они работали чётко, как два инструмента в одних руках, но Марк чувствовал: что-то затягивается. Как скрипач, играющий на одной струне слишком долго. Кравцовы были Прагма, до них — Воронцовы с Тиранией. Марк ждал. Он знал: придёт. Деструктивные паттерны не приходят по расписанию, они приходят, когда готовы.

Он отпил ещё глоток, чувствуя на языке лёгкую кислинку, и посмотрел на доску. Белая, чистая, без единой схемы — редкость для его кабинета. Обычно на ней висели стрелки, круги, даты и фамилии, но сегодня она была пуста, как будто ждала, что кто-то придёт и напишет на ней своё имя. Марк усмехнулся собственным мыслям: «Мистик. Скажи это Алисе — она обрадуется».

В 10:27 колокольчик над дверью звякнул. Не резко, а как-то приглушённо, словно звонок извинялся за своё существование. Марк услышал шаги — два набора. Алисины — лёг-

кие, быстрые, с лёгким каблучком, который она не снимала даже в Бюро, потому что «это дисциплинирует спину, Шерлок, попробуй сам». И вторые — тяжелее, медленнее, с паузами, как будто человек постоянно останавливался, чтобы оглядеться.

Через минуту дверь кабинета приоткрылась, и в щель просунулась голова Алисы. Сегодня она была в тёмно-зелёном свитере, который делал её глаза почти чёрными, и с двумя стаканчиками в руках.

— Шерлок, у нас кое-что. Можно?

Марк отставил чашку и кивнул. Алиса вошла, и за ней — женщина. Марк поднял глаза, и его взгляд автоматически включил режим профайлинга: сканер, который работал быстрее сознания.

Лере было на вид около тридцати двух. Высокая, худая, с короткими тёмными волосами, которые она, очевидно, стригла сама — Марк это определил по неровным прядям за ушами и чуть сбитой линии на затылке. Стрижка была аккуратной, но не модной, скорее функциональной: волосы не мешали, не требовали укладки и не привлекали внимания. «Ценит функцию выше формы», — отметил Марк. Одевалась она просто, но со вкусом: тёмно-синие брюки, белая ру-

башка с длинным рукавом, кардиган горчичного цвета, слегка вытянутый на локтях — такой носишь долго, потому что он удобный. Никаких украшений, кроме тонкого кольца помолвки на безымянном пальце правой руки. Марк заметил, что кольцо с маленьким камнем — солитером, но не бриллиантом, скорее топазом или аквамарином — она то и дело поправляла. Крутила, словно проверяла, на месте ли оно. Жест неуверенности. Кольцо ещё не прижилось, не стало частью её руки.

Лицо у Леры было красивым, но не «модельным», как выражалась Алиса, а умным: с высокими скулами, тонким носом и большими карими глазами, обведёнными длинными ресницами. Сейчас эти глаза были красными, но не от слёз — от недосыпа. Под ними темнели круги, которые не скрывала даже лёгкая пудра, а губы были сухими, с прикушенной кожей по краю. Марк видел этот жест часто: губы, которые человек кусает, когда не позволяет себе плакать.

— Лера, — представила Алиса, поставив стаканчики на стол. — Лера, это Марк Ветров, мой партнёр. Шерлок в нашем дуэте, хотя он обижается, когда я так говорю.

— Здравствуйте, — голос Леры был ровным. Слишком ровным. Голос человека, который держится из последних сил и боится, что если расслабится — развалится на части.

— Алиса рассказала мне немного о том, как вы работаете. Я не знаю, к кому ещё обратиться.

— Садитесь, — Марк указал на кресло для клиентов — глубокое, с мягкой спинкой, специально подобранное так, чтобы человек чувствовал себя в нём скорее в гостиной, чем в кабинете.

Лера села. На самый край. Спина прямая, колени вместе, руки сцеплены в замок на коленях. Она сидела не как гостья, а как человек, готовый вскочить и убежать в любую секунду. Как заяц, замерший перед броском. Марк отметил напряжение в плечах и чуть подрагивающие пальцы — она сжимала их так сильно, что побелели костяшки.

— Лера, я слушаю. Одно правило: я могу перебивать вопросами. Это не невежливость, это метод. Я собираю улики, как следователь, только улики эти — не вещественные, а поведенческие. Чем раньше я пойму картину, тем быстрее мы сможем помочь.

Лера кивнула, но не расслабилась. Она перевела взгляд на Алису, которая уже устроилась в своём кресле у окна, поджав ноги. Алиса кивнула в ответ — маленьким, тёплым кивком, который говорил: «Я здесь. Ты не одна». Этот жест был знаком между ними, отработанным за месяцы работы: Али-

са брала на себя тепло, Марк — структуру. Они не обсуждали это, просто делали.

— Рассказывайте, — сказал Марк. — С чего хотите.

Лера глубоко вздохнула, и Марк услышал в этом дыхании лёгкую дрожь — как будто воздух проходил через препятствие.

— Я помолвлена. Восемь месяцев. Свадьба через два месяца, двадцатое ноября. Глеб Лавров, архитектор, ему сорок. Мы встречаемся три года, и всё было хорошо — даже больше чем хорошо. Он заботливый, внимательный, умный. У нас были планы, общие проекты, мы даже ремонт в его квартире делали вместе, и это было легко, представляете? Ремонт с любимым человеком — это же испытание, а у нас было легко. Я думала, мы идеальная пара. А потом он начал исчезать.

— Как именно? — спросил Марк, подавшись вперёд.

— Он уходит из дома. После ужина или после разговора, или даже просто посреди спокойного вечера. Берёт пальто и уходит. Телефон отключает. Не возвращается до утра. Возвращается утром — с цветами, с извинениями, с «я не знаю, что на меня нашло». Клянётся, что это последний раз. И через месяц — снова.

Марк посмотрел на Алису. Та уже не сидела расслабленно — она чуть подалась вперёд, её глаза сузились, рука сжимала стаканчик с кофе, но не подносила его ко рту. Её первая Эрос, функция симпатии и интуиции, уже работала, сканируя энергетику клиентки, считывая температуру её голоса, её дыхания, её напряжения. Алиса не просто слушала слова — она чувствовала их цвет.

— Сколько раз это произошло? — спросил Марк, возвращая внимание к Лере.

— За полгода — четыре раза. Последний — позавчера. Он до сих пор не вернулся. То есть он вернулся утром, как всегда, но я считаю: он ушёл вчера вечером, отсутствовал всю ночь, утром пришёл. Так что по сути он не вернулся, он пришёл, но он опять исчез. Я уже сбиваюсь со счёта, когда считать началом, а когда концом.

— Сколько длились эти исчезновения?

— От двенадцати до двадцати четырёх часов. Всегда одна ночь. Всегда возвращается утром, часов в девять-десять. Никогда не пропадает на две ночи подряд. Никогда не уезжает далеко — он снимает номер в гостинице на Парнасе, дешёвой, почти общежитие, и сидит там. Я знаю это, потому

что нанимала детектива после второго раза.

— Что он говорит, когда возвращается?

Лера закрыла глаза на секунду, собираясь с мыслями. Когда она открыла их, Марк увидел в них усталость — ту глубокую, хроническую усталость, которая не проходит после сна.

— Каждый раз одно и то же. Прости, я не знаю, что на меня нашло. Я был в гостинице, один. Я просто посидел у окна. Я не понимаю, зачем я это делаю. Я люблю тебя. Это последний раз. И цветы. И неделя идеальных отношений. А потом снова.

— Что предшествует этим исчезновениям? — спросил Марк. — Что происходит перед тем, как он уходит? Конкретно. Не «мы поссорились», а «был разговор, в котором прозвучала такая-то фраза».

Лера помолчала, прикусывая губу — и Марк увидел, как на ней выступила капелька крови. Она не заметила.

— Первый раз был в марте. Через две недели после помолвки. Я впервые сказала ему «я тебя люблю». До этого мы говорили «ты мне нравишься», «я рада, что ты есть», но вот

это слово — «люблю» — я берегла. Думала, оно должно быть особенным. И я сказала. Он посмотрел на меня странно — как будто испугался. Потом поцеловал, сказал «я тоже», и мы легли спать. Утром я проснулась — его нет. Пальто нет, телефон недоступен.

— Второй раз?

— В мае. Я показала ему детскую фотографию. Я никогда никому не показывала её — я была на ней семилетняя, в школьной форме, с оторванным бантом, разбитой коленкой и заплаканным лицом. Мать сфоткала меня в первый школьный день, после того как я упала и разбила колено. Я ненавижу эту фотографию, но тогда я решила: если я хочу, чтобы он знал меня настоящую, он должен увидеть и эту. Я показала её и сказала: «Это я. Настоящая. Не та, которую ты знаешь, а та — вот». Он смотрел долго, потом встал и сказал: «Мне нужно подышать». И ушёл. До утра.

— Третий?

— В июле. Я предложила жить вместе. До этого у нас были свои квартиры, мы ночевали друг у друга, но вещи не перевозили. Я сказала: «Глеб, мы помолвлены, через три месяца свадьба, давай уже жить вместе». Он снова посмотрел на меня с этим странным испугом, потом сказал «давай по-

думаем» и в ту же ночь исчез. Вернулся утром, согласился. Я перевезла вещи, думала, всё наладится. Через три недели был четвёртый раз.

— Что было в четвёртый?

Лера опустила глаза, и Марк увидел, как её пальцы сильнее сжались в замок. Костяшки побелели совсем.

— Я заговорила о ребёнке. Не «давай заведём», просто «я бы хотела, через год-два». Глеб побледнел. Буквально, я видела, как кровь уходит с лица. Он встал, вышел на кухню, стоял там у окна, спиной ко мне. Я подошла, обняла его сзади — он вздрогнул, отшатнулся, как будто я его ударила. И сказал: «Лера, я не могу сейчас об этом». И вечером ушёл. И не вернулся до утра.

Марк молчал. В кабинете было тихо, только часы на стене отсчитывали секунды — старые, советские, с маятником, которые достались ему от деда. Маятник качался ровно, как пульс, и этот звук создавал странное ощущение: будто время замедлилось.

Его первая Сторге уже выстраивала схему. Каждый раз — шаг Леры к близости. «Я люблю тебя» — это Эрос и доверие. Детская фотография — Филия, открытие себя. «Давай

жить вместе» — Филия и Агапе, совместная жизнь. «Хочу ребёнка» — Агапе и Сторге, создание семьи. Каждый шаг глубже, каждый ближе. И каждый раз — реакция Глеба: исчезновение. Не конфликт, не спор, не ссора. Исчезновение. Как будто он не мог вынести того, что становился уязвимым.

— Лера, — сказал Марк мягко, — Глеб когда-нибудь говорил вам о своём детстве?

Лера покачала головой, и в этом движении была усталость человека, который уже сотни раз задавал себе тот же вопрос.

— Никогда. Я знаю, что он из Ленинградской области, что родители инженеры, что у него есть старший брат, что он учился в ЛИСИ. Всё. Каждый раз, когда я спрашиваю — «как ты рос?», «с кем дружил?», «что любил делать?» — он переводит тему. Шутит, или начинает говорить о работе, или просто молчит. Я думала, это нормально — мужчины не любят говорить о детстве. Но потом поняла: он не не любит говорить. Он боится.

— Боится чего?

— Я не знаю. — Лера подняла на него глаза, и Марк увидел в них слёзы, которые она сдерживала изо всех сил. — Я не знаю, Марк. Поэтому я здесь. Я не знаю, любит ли он

меня. Я не знаю, что с ним. Я не знаю, нормально ли это. Я не знаю, выходить ли за него замуж через два месяца. Я не знаю ничего.

Она замолчала, и в этой паузе Марк услышал, как дрожит её голос. Потом слёзы всё-таки потекли — тихо, не громко, просто тонкие дорожки по щекам, которые она даже не пыталась вытирать. Алиса бесшумно встала, подошла и села рядом на подлокотник кресла, положив руку на плечо Лере. Не сказала ни слова — просто была рядом. И этого оказалось достаточно: Лера выдохнула и перестала сдерживаться.

Марк встал из-за стола, подошёл к доске и взял чёрный маркер. Не красный — чёрный, для разметки, для структуры. Он написал в центре стекла два слова: ФИЛИЯ и ФОБИЯ. Между ними провёл стрелку — ровную, прямую, без изгибов.

— Лера, — сказал он, обернувшись, — вы когда-нибудь слышали о типологии Аматорика?

Лера вытерла слёзы рукавом кардигана, быстро и деловито, как человек, который привык справляться сам.

— Нет. Это что-то вроде соционики?

— Отчасти. Аматорика — это типология любви. В ней четыре базовых паттерна: Эрос — симпатия и влечение, Агапе — забота и поддержка, Сторге — направление и воспитание, и Филия — дружба, доверие, близость. Здоровая Филия — это когда человек впускает другого в свой внутренний мир. Без страха, без расчёта, без защиты. Когда вы говорите «я люблю» — это Эрос. Когда показываете детскую фотографию — это Филия. Когда предлагаете жить вместе — это Филия. Когда говорите о ребёнке — Филия плюс Агапе. Каждый ваш шаг к Глебу — это шаг доверия.

— А Фобия? — переспросила Лера, глядя на доску. — Это то, что написано справа?

— Фобия — это тень Филии. Деструктивный паттерн. Это когда человек хочет доверять, но каждый раз, когда близость переходит через порог, он убегает. Не потому что не любит — он любит. Не потому что не хочет — он хочет. А потому что доверие для него равно уязвимости, равно угрозе. Он убегает, чтобы его не бросили, — если я уйду сам, меня не смогут ранить. Это Фобия. И судя по тому, что вы рассказали, Глеб — классический случай.

Лера смотрела на доску так, как смотрят на диагноз в кабинете врача: с облегчением и ужасом одновременно. «Так вот что это. У этого есть имя. Я не выдумываю».

— Это лечится? — спросила она тихо.

— Не «лечится», — мягко поправил Марк. — «Работается». Фобия — не болезнь, это защитный паттерн. Психика когда-то научилась так защищаться — от чего-то, от боли. Наша задача — выяснить, от чего именно, и можно ли эту защиту заменить на другую, более живую. На здоровую.

— А если нельзя?

— Тогда вы будете знать. И вы сможете решить — с этим знанием. Выходить за него или нет. Ждать или уйти. Это будет ваш выбор, а не случайность. И это главное, что мы можем дать.

Лера кивнула. Слезы уже перестали течь, и в её глазах появилась та странная смесь усталости и надежды, которую Марк видел у многих клиентов. Она ещё не верила, что всё наладится, но уже верила, что может узнать правду. И это было достаточно.

Алиса смотрела на Марка странным взглядом. Не «рабочим» — другим. Марк не сразу понял, каким, а когда понял, внутренне напрягся. Алиса смотрела на него так, как будто впервые увидела. Не «Шерлока», не «Марка Ветрова», а че-

ловека, который в её присутствии только что сказал клиентке «мы будем знать». Не «я», а «мы». Это было новое. Это было неожиданное. И это было то, что он не вписывал в схемы.

— Алиса, — повернулся он, пряча собственные мысли за деловым тоном, — завтра в десять утра мне нужны материалы от Леры. Любые записи детектива, даты исчезновений, переписка, всё, что она знает о Глебе. И ещё: я хочу знать его биографию до восемнадцати лет. Если Лера не знает — мы найдём.

— Я принесу всё, — сказала Лера, уже собравшись. — У меня есть блокнот, я записывала каждое исчезновение. Даты, время, что говорил перед уходом, что сказал, когда вернулся. Я стенографировала, как протокол.

— Отлично. И ещё. — Марк помедлил. — Лера, что вы будете делать, если в конце расследования окажется, что Глеб не изменится? Что Фобия — это его природа, и он не сможет не убежать?

Лера молчала долго. Так долго, что Марк подумал, она не ответит. Но она ответила — тихо, но твёрдо:

— Я не знаю. Но я хочу знать. Я больше не могу не знать. Я устала гадать.

Марк кивнул. Это был правильный ответ. Единственный, с которым он брался за дело.

Когда Лера ушла, Алиса осталась в кабинете. Молчала, смотрела на доску, на два слова, на стрелку между ними. Марк сел за стол, поправил очки, чувствуя, что Алиса смотрит на него не так, как обычно.

— Шерлок, — сказала она наконец.

— Да.

— Это наш паттерн.

Марк поднял голову.

— Что?

— Филия. Твоя третья — Тень. Моя вторая — Персона. Это наша линия. Мы — зеркала Глеба и Леры, только в другой конфигурации. И мы оба это знаем.

Марк посмотрел на неё долго. Его первая Сторге — та, что всегда знала «как правильно», — вдруг замолчала. Не было «правильно». Было что-то другое, что он не мог вписать в

схему.

— Да, — сказал он наконец. — Наш.

— И ты думаешь, мы готовы?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю.

Они стояли молча. За окном шёл дождь — мелкий, ко-
сой, петербургский. На подоконнике лежал жёлтый лист, за-
несённый ветром, и капли били в стекло, оставляя тонкие
дорожки. Где-то в городе Глеб, должно быть, сидел в своей
мастерской или в гостинице, или просто бродил по набереж-
ным, пытаясь не думать о том, что снова сделал.

А в Бюро на Рубинштейна Марк и Алиса стояли у доски,
глядя на два слова, и впервые за три месяца чувствовали,
что дело, которое пришло, — это не просто кейс. Это их соб-
ственный вызов. Их собственная тень.

Глава 2

Карта исчезновений

Четверг, 9:30 утра. Бюро на Рубинштейна встретило Марка сыростью и запахом старого дерева. Лифт не работал уже вторую неделю, и он поднимался пешком, считая ступени — тридцать семь до второго этажа, привычный ритуал, который помогал настроиться на рабочий лад. Сегодня он поднимался быстрее обычного: внутри уже шевелилось предчувствие, что дело Глеба и Леры будет не таким, как предыдущие. Два особых дела — Прагма и Тирания — он прошёл с Алисой, но это, третье, пахло иначе. Оно пахло его собственной тенью.

В кабинете было тихо. Окно выходило во двор-колодец, и утренний свет с трудом пробивался сквозь серую пелену облаков, ложась на стол бледными прямоугольниками. Марк повесил пальто на крючок, сел за стол и разложил перед собой три предмета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.